

Екатерина Чертанова

Приключения Зоси в Финляндии

Женский роман

Москва
2026

УДК 82-3

ББК 84-4

Ч-50

Чертанова Е. Л.

Ч-50 Приключения Зоси в Финляндии — М.: «Издание книг.ком»,
2026. — 288 с.

ISBN 978-5-907927-68-1

Очередная захватывающая книга от автора женских романов «Кольцо» и «Любит — не любит».

Действие происходит в конце 10-х годов нашего столетия. Из зимней Москвы перенесёмся в гостеприимный финский городок и морозную тишь заснеженных лесов Финляндии.

Уютное купе поезда, новые знакомые, загадочный колорит финской провинции и неожиданная любовь. Но всё ли так безмятежно вокруг? Все ли желают тебе добра? Главная героиня, талантливая московская художница, приезжает в страну Суоми, чтобы заняться творчеством среди суровых красот северной природы, и неожиданно для себя попадает в водоворот ярких и порой опасных событий. Как она поступит? Различит ли, кто друг, а кто враг? Не пропустит ли настоящее чувство? Пожелаем ей удачи, и... вперёд навстречу увлекательным приключениям!

УДК 82-3

ББК 84-4

© Чертанова Е. Л., 2026

© «Издание книг.ком», о-макет, 2026

ISBN 978-5-907927-68-1

1 «Уф-ф-ф», — Зося с облегчением вздохнула, опустившись на мягкий плюш вагонной полки. Поезда она полюбила еще в детстве, когда ездила с родителями на юг. Неприятный для кого-то запах вагона был мил ей осознанием начала путешествия, предвкушением новых ощущений и скорой встречи с незнакомыми местами. А как приятно пить горячий чай из стакана с подстаканником, в котором позвякивает алюминиевая ложечка, возвещая о том, что приключения начинаются!

Зося довольно потянулась и откинулась на мягкую спинку, которой скоро предстояло принять горизонтальное положение и стать на время поездки по маршруту Москва — Хельсинки спальным местом с застеленным постельным бельем. Как хорошо: можно расслабиться, никуда не спешить — все равно предстоящие двенадцать часов бурной жизни будут ограничены четырьмя стенами купе, не считая редких вылазок в вагон-ресторан. Зося огляделась по сторонам. Конечно, со вре-

мен детства много воды утекло. Полки тогда были обтянуты дерматином, на верхнюю не заберешься без труда, а сейчас комфорт, уют: мягкий диван, выдвигаемая лесенка, чтобы даже степенная дама могла легко подняться наверх. Но Зосе никуда подниматься не надо — ее полка нижняя, и она как полноправная хозяйка передвинулась поближе к окну.

В вагоне царила обычная суматоха, которой всегда сопровождается отправление поезда. В открытую дверь купе было видно, как туда-сюда сновали пассажиры, волокущие чемоданы, сумки и длинные чехлы с лыжами, протискивались возбужденные дети, как и она когда-то. Слышались обычные вопросы и напутствия:

— Алеша, ты паспорт не забыл?

— Наши места — шестое и восьмое. Простите, это здесь?

— Мама, куда ты положила ваучер из отеля?

— Где моя красная сумка? Дядя Сережа, у вас моя сумка?

— Ирина, следи за Павликом, чтобы шея всегда была закрыта.

— Владимир, не напивайся, знай меру...

— Ohita se, ohita se¹, — а это уже по-фински.

В дверном проеме образовалась сутолока — кто-то пытался втащить громоздкую сумку на колесиках в купе. Зося повернула голову навстречу новым соседям. Перед ней стояла молодая женщина примерно одного с ней возраста. Зосе недавно исполнился тридцать один год, и она считала, что это лучшая пора в жизни. Когда ей было пятнадцать лет, она думала то же самое про свое тогдашнее состояние, и когда двадцать — тоже. Отличительной чертой ее характера был позитивный взгляд на все, что с ней происходило. Так что Зося нисколько не сомневалась в том, что, когда ей стукнет сорок и даже, наверное, пятьдесят, она с радостью скажет, что лучше этого возраста не бывает. Можно с высоты прожитых лет делиться мудростью с многочисленными чадами и домочадцами, как украшения в шкатулке, перебирать воспоминания, слегка ре-

¹ Проходите, проходите (*фин.*)

тушируя не самые приятные. Удалиться на природу, преспокойно ходить по дачному участку и сгребать опавшую листву, вдыхая осенний воздух. Хотя нарисованные ее воображением картины пронесли в Зосином мозгу за одно мгновение, она все же успела подумать, что слишком уж они идиллические. В пятьдесят лет, она будет, скорее всего, не старушкой с буколками, а, как мама — интересной женщиной средних лет в строгом модном костюме. Маме пятьдесят пять, она доцент, преподает в университете и сидеть весь год на даче пока не собирается. Кроме того, нужно очень постараться, чтобы обзавестись чадами и домочадцами, да еще многочисленными, в то время как детей в ближайшей перспективе у нее не планируется. А чтобы позволить себе спокойное созерцание на природе и не зависеть от капризных заказчиков, надо либо к намеченному возрасту сколотить солидное состояние, что трудно, либо удачно выйти замуж, что пока Зосе тоже не грозит. «Ах, какие фантазии!» — подумала она и снова

переключила внимание на вошедшую попутчицу.

Та была высокой и худощавой. «Типаж — супермодель», — сразу пришло Зосе на ум. Супермодель тем временем кивнула ей, улыбнулась, продемонстрировав ряд белых, но немного неровных зубов, что сразу вызвало Зосину симпатию — а то была бы точь-в-точь, как кукла из глянцевого журнала, — медлительными движениями размотала длинный шарф, обернутый вокруг шеи, сняла белую куртку-пуховик, повесила ее на вешалку рядом с Зосиным пальто и, вздохнув с облегчением, опустилась на полку напротив.

«Ой, упарилась вся...» — громко сказала она. Это замечание несколько не вязалось с модельной внешностью девушки. К ситуации больше подошло бы нейтральное: «Как здесь жарко». Зося расплылась в умильной улыбке и приготовилась ждать, какие еще сюрпризы последуют. А «вспотевшая» Модель тем временем с интересом оглядывалась по сторонам, взбивая рукой мелкие ку-

дряшки длинных волос, собранных в пушистый пучок.

— Я так спешила, — доверительно произнесла она. — Думала, опоздаю. Ужасные пробки! Меня парень знакомый вез. Уж и дворами, и по тротуару, а все равно по платформе почти бежали...

Зося не успела прокомментировать услышанное, потому что в этот момент в дверном проеме возникли сразу два пассажира — спортивного вида загорелый здоровяк учтиво пропустил перед собой пожилую женщину с мягким, ровным взглядом. Она смущенно поклонилась ему, прошла в купе и присела на краешек Зосиной полки, спросив перед этим тихим голосом: «Можно?» Следом за ней протиснулся коренастый мужчина с большим чехлом.

— Спасибо, браток, — обратился он к застрявшему в дверях спортсмену, которому пришлось отодвинуть свой рюкзак и по сильнее прижать к себе чехол с лыжами, — сейчас мамашу пристрою и тебе помогу вещи наверх забросить.

— Да, ничего, пожалуйста, — беззаботно бросил лыжник.

Энергичный мужчина поднял с полки Супермодель, с интересом разглядывавшую загорелого спортсмена, затолкал в отделение для багажа чемодан, а заодно и дорожную сумку Модели, затем подхватил лыжи, и на пару со здоровяком они в одно мгновение закинули их на самый верх.

— Ну вот, — отряхнув руки, подытожил мужчина, опустившись рядом с пожилой женщиной, — присядем все на дорожку. Да ты не стой, браток, в ногах правды нет, — бросил он спортсмену, который снял куртку, продемонстрировав накачанные мускулы, заметные даже под толстым свитером. — Глянь, какие красавицы с тобой едут, я бы сам не прочь в таком купе прокатиться.

— Юра! — неожиданно молодым голосом воскликнула Зосина соседка.

— Шучу, шучу, Анна Антоновна, — как будто спохватился тот и бережно обнял старушку за плечи. — Короче, мама, вы, как

доедете, сразу звоните, чтоб мы с Ириной не волновались. Маринке с Паулем привет, отдохайте, сил набирайтесь, не перетруждайтесь там. В общем, чтоб все путем было. — С этими словами мужчина поднялся, пожал руку спортсмену, помахал девушкам и исчез, сопровождаемый предупреждением проводницы о том, что провожающим нужно срочно покинуть поезд.

«Зять, значит», — подумала Зося. Она уже мысленно окрестила своих попутчиков Модель и Спортсмен. Называть Тещей милую женщину с седыми волосами и молодыми глазами ей не хотелось, и она про себя так и оставила той ее собственное имя — Анна Антоновна, или можно Бабуля.

Тем временем вагон покачнулся и медленно тронулся вдоль платформы. В окне замелькали машущие руками люди, носильщики с пустыми тележками, фонари и скамейки. Модель выскочила в коридор узнать, когда включат вентиляцию: «А то уже совсем дышать нечем!». Зося проводила ее взглядом и снова обратилась к происходящему в купе. Спортсмен с ин-

тересом изучал свой паспорт, а Анна Антоновна все так же сидела на краю полки, сжимая в руках старомодный ридикюль.

— Извините, — обратилась она к Зосе, — я вас не очень стесняю? Мы билет только на верхнюю полку смогли купить.

— Ну что вы, — успокоила ее Зося, — можете здесь остаться. А я наверх переберусь. Мне там даже больше нравится.

— Не надо, — смущенно запротестовала старушка, — это же неудобно.

— Удобно, удобно, — уверила ее Зося, — сейчас давайте вместе у столика посидим, и спать я на вашей полке буду... И не спорьте, пожалуйста, — строго добавила она, увидев, как пожилая женщина испуганно машет на нее руками. Та церемонно начала благодарить Зося, но была прервана возвращением Модели, которая, поводя плечами, уселась рядом со Спортсменом, приподняв подбородок и повернув голову так, чтобы сосед мог как следует разглядеть ее классический профиль. Затем она громко, как воспитатель в детском саду, объявила:

— А теперь давайте знакомиться. Меня зовут Юлия!

Спортсмен, обомлевший от такой красоты, ошеломленно выдавил из себя:

— Володя.

— А я — Анна Антоновна, — представилась тихая старушка, хотя все и так уже знали ее имя.

А спортсмен Володя, переключив внимание с замершей в эффектной, но очень неудобной позе Юлии, обратился к Зосе:

— А как вас зовут? Вы нам еще не ска-зали.

Юлия недовольно заерзала на полке. А Зося подумала: «Ну вот, начинается...»

Потому что, как бы Юлия ни крутилась, как бы ни напускала на себя томный вид, чуть опустив веки с густо накрашенными ресницами, все равно в центре внимания суждено было оказаться Зосе, которой, к тому же, не приходилось прилагать для этого особых усилий. Ее природный магнетизм действовал беспрочно. Она точно знала, что, появившись в любом месте, будь то шумный

бар, великосветский прием, холл гостиницы или зал ожидания в аэропорту, она в одно мгновение могла привлечь к себе все мужские взгляды. И четырехместное купе с единственным представителем сильного пола не было исключением. Красавицей Зосю назвать было нельзя, но живые зеленые глаза, каштановые кудри с рыжинкой, естественная женственность и, конечно, некоторые небольшие секреты, которые пусть так и останутся секретами, делали ее необычайно привлекательной для мужчин. Женщины не сразу распознавали в ней опасную соперницу, а когда замечали, куда повернуты все мужские головы, решающий момент был уже упущен.

Как-то один Зосин знакомый, когда они стояли рядом на фуршете в честь открытия выставки их общего приятеля, с негодованием спросил у нее:

— Скажи, ну почему все смотрят на тебя? Вон рядом с Петькой блондинка — ноги от ушей. По всем правилам мужики на нее пялиться должны!

На это Зося спокойно ответила, пожав плечами:

— Значит, у каждого правила есть исключения.

Эти мысли пронеслись в Зосиной голове в один миг, и она вернулась к реальности:

— Меня зовут Зоя.

— Какое у вас имя редкое, — расплылся в улыбке Владимир.

— А меня хотели назвать Джульеттой, — не стерпела Юлия.

— Что ж не назвали? — сочувственно поинтересовалась Зося.

— А Юлия — все равно, что Джулия. А Джулия — это и есть Джульетта. Значит, Юлия — это Джульетта, только по-русски, — доходчиво объяснила Модель. — А фамилия моя — Пригорская.

«Сейчас она еще про этимологию фамилии расскажет», — обреченно подумала Зося, но, к ее радости, процесс знакомства был прерван появлением проводницы.

— Дамы и господа, сдаем билетики и паспорта для пограничного и таможенного

контроля, — громким голосом объявила она.

Пассажиры в купе оживились. Посыпались вопросы: «Зачем паспорта сдавать?», «Во сколько будем границу проезжать?», «А чай можно? С лимоном» — это Зося спросила: ей не терпелось скорее воплотить в реальность свои детские воспоминания. Проводница, видимо, уже в сотый раз без запинки ответила на вопросы: граница утром, паспорта нужны, чтобы общий список составить, так легче контроль на границе пройти. А через секунду на столике уже весело звенели четыре металлических подстаканника с горячим ярко-коричневым чаем в прозрачных стаканах, и в каждом — по кусочку солнечно-желтого лимона.

Тут выяснилось, что запасливый спортсмен Владимир прихватил с собой нарезку сырокопченой колбасы. Он вынул ее из рюкзака и положил на столик перед женщинами, а заодно несколько протеиновых батончиков, гроздь бананов и упаковку кураги. Модель Юлия присоединила

к намечающемуся пиршеству плитку шоколада «Милка», Анна Антоновна — яйца вкрутую и помидоры с огурцами. Зосе стало неудобно перед остальными: она понадеялась на вагон-ресторан и ничего съестного с собой не захватила. А впрочем, почему ничего? Она же купила на всякий случай две банки красной икры в качестве сувенира из России. Когда она выставила одну из них на общий стол, Спортсмен воскликнул: «Живем!» Откуда ни возьмись появился нарезанный белый хлеб, а через минуту — и сливочное масло, которое было позаимствовано у проводницы, попавшей под мужское обаяние предприимчивого Володи. Тот, довольно потерев руки, глядя на накрытый стол, решил наконец спрятать рюкзак под Зосину, или теперь уже Бабулину, полку.

— Эге, да у нас здесь художник! — с интересом заметил он, глядя на потертый этюдник в отделении для багажа.

Зося промолчала, потому что ее, собственно, ни о чем не спросили. Ну, кто-то в купе художник. Констатация факта. Мо-

жет быть, не она одна здесь живописец. Ей захотелось подольше оттянуть привычный град вопросов наподобие «А что ты рисуешь?», переходящий в неизбежное «А меня можешь нарисовать?». В обществе словоохотливой Юлечки подобная светская беседа легко могла перерасти в допрос с пристрастием.

Модель в это время вытянула шею и проследила за направлением взгляда Владимира.

— А почему вы решили, что среди нас художник? — с интересом спросила она.

— А потому что, Юлечка, вот в этой деревянной коробочке, — с улыбкой пояснил Спортсмен, — краски и кисти.

— В этом ящике? — недоверчиво переспросила Юлия.

— Да, в этом самом.

— Значит, это не ящик, а мольберт! — с гордостью произнесла Модель.

Зося решила прекратить это безобразие.

— Юля, мольберт — это подставка для картины, а перед вами этюдник, —

с максимальной доброжелательностью заметила она.

— Ой, ну да, конечно! Этюдник. Я просто перепутала. А он ваш?

— Да, — призналась Зося.

— Ой, как интересно! — всплеснув руками, воскликнула Юля, — А что вы рисуете?

«Начинается...» — ощутив глухую неизбежность, подумала Зося.

— Все, — сказала она вслух, — все, что заказывают.

«Сейчас спросит про портрет», — то скливо сказала она себе, но Юля неожиданно изменила привычный ход разговора:

— Какие у нас в купе творческие профессии собрались, — радостно объявила она, — вы вот художница, а я знаете кто?

«Модель», — подумала Зося, но промолчала. Ее опередил Владимир.

— Вы, Юлия, наверное, секретарь ответственного работника, — высказал он не очень уверенное предположение.

«Господи, какие странные ассоциации, — внутренне возмутилась Зося. — Какой секретарь! Она Модель!»

— А вот и нет, — бросив кокетливый взгляд на Спортсмена, возразила Юля. — Зоя, а что вы думаете, кто я? — продолжила она опрос общественного мнения.

— Агент спецслужбы, — выпалила Зоя.

Юлия посмотрела на нее с изумлением, а затем громко засмеялась:

— Ну вы даете, агент спецслужбы, подумать только!

Развеселилась даже Анна Антоновна, не говоря уж о Владимире, который расхохотался так, что из коридора в купе стали заглядывать любопытные, желая присоединиться к столь веселой компании.

Обрадовавшись общему вниманию, Юлия объявила, что она инструктор по танцу живота. Да, это круто! Зоя не вытерпела и попросила:

— Покажи что-нибудь.

Юля повела плечом и с довольным видом сказала:

— Вот так всегда бывает, когда люди узнают, кто я. Все просят показать.

Зоя прикусила язычок. Оказалось, это не только ее привилегия — рассуж-

дать о стереотипности чужого мышления. Когда же Модель-инструктор поднялась, все же уступив просьбам собравшихся, расправила плечи, изобразила совершенно невообразимую волну руками и качнула бедром, Зося первая захлопала в ладоши. Здорово! Как бы и она хотела так владеть своим телом! Юлия с довольным видом раскланялась. Атмосфера в купе стала еще более непринужденной. Присутствующих потянуло рассказывать истории о себе, как часто бывает в компании людей, невольно оказавшихся вместе на короткое время, потому что все знают, что никогда больше не увидят своих попутчиков, и можно публично излить душу, пожаловаться на незаслуженные обиды или, наоборот, похвастаться.

Оказалось, что Спортсмен действительно спортсмен. Едет, чтобы принять участие в ежегодном лыжном марафоне «Большая лыжа», проходящим под Хельсинки. Только что бегал двести километров на коньках по каналам в Нидерландах — вошел в первую сотню, а участников

было больше тысячи. Скромно кивая в ответ на «Правда?», «Да что вы!» и, благодаря за пожелания удачи, он все время поглядывал на Зосю, как будто стараясь понять, какое впечатление произвели на нее его спортивные достижения. Зосю они впечатлили, она уважала людей с достижениями, но поощрять Владимира не стала. Вот еще. Поездное знакомство!

Бабуля ехала навестить младшую дочь, которая вышла замуж за финна и счастливо жила недалеко от Хельсинки вот уже десять лет. Тут Юлия заметно оживилась и неожиданно начала расспрашивать женщину о финском зяте: не пьет ли, не жадный ли, не держит ли жену в черном теле. «С чего вдруг она так заинтересовалась? — подумала Зося. — Никак тоже за финна замуж собралась». На этот раз она не ошиблась — через несколько минут, когда Владимир ненадолго отлучился в купе к товарищам по команде, Юлия заговорщическим голосом поведала попутчикам о цели своего визита в Финляндию: оказывается, ее ожидает там романтиче-

ское свидание с предполагаемым женихом, найденным через интернет. Живет он тоже под Хельсинки. Обеспеченный мужчина, владелец лесопильного завода. Она его никогда не видела, только на фото, да и финнов вообще живьем не встречала. Анна Антоновна успокоила взволнованную девушку, что, мол, хорошие они, финны, всё в дом, всё в семью. Пауль, зять ее, не пьет даже. Сначала, конечно, всякое бывало, пока притирались они с Мариночкой друг к другу, но сейчас жену на руках носит. Юлию рассказ Анны Антоновны успокоил.

— Всё в дом, всё в семью — это хорошо, — подытожила она.

Тут Владимир вернулся в купе и преподнес каждой даме по мандарину.

— Как я люблю цитрусовые! — радостно воскликнула Модель и принялась осторожно счищать кожуру длинными ногтями с ярко-красным маникюром. Владимир опустился рядом с ней и стал рассказывать жуткие истории о Финляндии, типа, едешь, бывало, по автостраде —

и вдруг лось навстречу, или нет — северный олень, нет — три северных оленя. «Странно, что не стадо», — скептически подумала Зося, глядя, как трогательно захохала Юлия. Бабуля тоже испуганно посмотрела на Марафонца поверх очков, которые она надела, достав из ридикюля вязание. Под тихое постукивание металлических спиц, под Юлины охи и ахи, под краеведческие излияния Владимира Зося погрузилась в созерцание темноты за окном, чуть не задремала и уже решила перебраться на верхнюю полку, как вдруг ее вернул к действительности громкий Юлин вопрос:

— Зоя, скажи, а ты зачем в Финляндию едешь? Если это не секрет, конечно.

Да, деликатности Юле было не занимать. Зося обвела попутчиков сонным взглядом и подумала, что она единственная не раскрыла цели своей поездки.

А история была достаточно забавная. Зося вспомнила, как на недавнем вернисаже в ЦДХ на нее буквально налетел старый знакомый Вениамин Быковский.

Веню она знала очень давно, лет сто, наверное. Он был то ли друг, то ли родственник кого-то из Суриковского института и периодически возникал на Зосином горизонте то в гостях у общих знакомых, то на горнолыжном курорте, то в ночном клубе или на модном концерте. Вениамин был завсегдаем многих значных мест, почти везде у него имелись связи, круг знакомств был необъятен. Чем он занимался, Зося точно не знала, да особенно это ее и не интересовало.

Так вот, меньше месяца назад на выставке в ЦДХ Зося расположилась в павильоне за маленьким столиком возле своих работ. Рядом на стенах висели картины ее знакомых художников Петровых — Натальи и Николая. Собственно, они и организовали этот столик, и электрический чайник, и вазочку с баранками. Чай был горячий, с Зосиным любимым малиновым вареньем, баранки — с маком, посетителей много. Зося пребывала в отличном настроении. Она успела продать две картины и получила заказ на портрет жены бизнес-

мена, колбасных дел мастера. Тут прямо над ее ухом раздалось бравурное:

— Зоська! Вот так встреча! И ты здесь?

Перед Зосей, вернее над ней, стоял Венька Быковский и радостно улыбался во весь рот. Ее самолюбие немного кольнуло это «И ты здесь?». А где он ожидал ее увидеть — в прачечной за приемкой белья? Но Вениамин тут же начал расточать Зосе витиеватые комплименты, и она объяснила неуместную фразу внезапным смятением, вызванным ее ослепительным видом. Закончив хвалебные речи, Вениамин перешел к воспоминаниям об их бурной молодости. «А ты помнишь, как...?» прозвучало раз десять. Зося что-то забыла, что-то помнила, но в любом случае эта болтовня начала ее утомлять. Краем глаза она заметила молодую пару, уже несколько минут разглядывавшую ее натюрморт, и приготовилась вежливо распрощаться с Венькой. Как будто почувствовав это, Быковский прервался на полуслове. «Ладно, Зось, не хочу тебе бизнес портить», — понимающе произнес он, проследив за направ-

лением ее взгляда. Пара тем временем перешла в другой зал, и Зося мысленно обвинила в этом не в меру словоохотливого Веньку. Вечером, перед самым закрытием выставки, он возник снова и пригласил ее, а заодно и Петровых отметить встречу. «Ну, что ж, можно и отметить», — объявила Наталья, закрывая банку с вареньем и укладывая в пакет оставшееся печенье.

В ресторане Быковский галантно ухаживал за своей, как выяснилось, «старинной любовью». Для Зоси это оказалось новостью, но признания никогда не бывают лишними, даже если им не до конца веришь. Наполняя Зосин бокал, Вениамин поведал о своей нелегкой жизни: работа, работа и еще раз работа. Замотался совсем. «Бедняжка», — усмехнулась про себя Зося, готовясь услышать приглашение провести уик-энд в уединенном месте. Но разговор принял неожиданный оборот. Оказывается, Венька был женат, уже в третий раз. Узнав, что Зося не замужем, он искренне удивился и, как ей показалось, расстроился.

— Зосечка, — заявил он отеческим тоном, — это мы поправим!

Та отвечала, что ничего поправлять не надо, что незамужний статус ее устраивает. Но Веня разошелся не на шутку:

— Что ты такое говоришь? Как — не надо? Не буду спать спокойно, пока не найду тебе жениха.

Зося крепко сжала его запястье и сказала: «Заткнись».

Быковский «заткнулся», но не сразу. Помог Петров — он поднял тост за прекрасных дам, и Венька был вынужден замолчать. После этого разговор возобновился уже в другом ключе. Все сошлись на том, что живописью сейчас много не заработаешь. Из старых знакомых — кто в редакции, кто интерьеры оформляет. А вот Васька Блинов, отпетый двоечник, попал в струю и стал модным и известным — на его инсталляциях всегда аншлаг.

— Да он как рисовать никогда не умел, так и не научился, — возмущалась Наталья. — Что это за искусство: слепил куб из папье-маше, выкрасил в черный цвет

и подвесил на веревочке. И еще интервью дает. «Я, — говорит, — сначала его облил масляной краской, потом краску эту размазал, потом кисточкой подправил, потом ногой пнул...» Кошмар, уши вянут. А все вокруг восхищаются!

— Наталья, не кипятись, — вступился за бывшего однокурсника ее муж. — Если б Васька рисовать умел, он бы на кубе еще и портретик или пару деревец сбацал, а так — что с него взять!.. Да ты не переживай — все вокруг знают, что ты у нас самый талантливый пейзажист.

— Я-то что! Вот у Зоси — это да! Чувство цвета потрясающее! И манера твоя, Зось, мне всегда нравилась — вроде и не все детали выписаны, а впечатление целостности создается полное!

— Как детали не выписаны? — снова возразил Николай. — А серия голландских композиций? Любая мелочь — как у старых мастеров. Каждая складка платья, каждая пряжка на ботинке. Зось, как тебе терпения хватило?

В институте Зося была известной лентяйкой, и несколько раз отчисление ви-

село над ней дамокловым мечом. На последнем курсе, правда, она одумалась. А когда начала зарабатывать — вспомнила пословицу о том, что волка ноги кормят, и теперь у нее всегда был под рукой блокнот для набросков и коробочка с сангиной или угольными карандашами. Корпеть над мольбертом ей уже было не в тягость, а в охотку. Зося вспомнила, как в студенческие годы перед развеской никак не могла заставить себя взять в руки кисти, тянула до последнего и после бессонной ночи тащила в институт холсты с невысохшей краской, стараясь не задеть пассажиров в метро. Не до деталей было!

— Знаешь, Николай, терпения у меня теперь хоть отбавляй, — отшутилась она, — полгода терплю, пока твои архаровцы в мастерской ремонт закончат.

— Зося, ты с ними построже, — посоветовала Наталья, — у нас с Колей они за месяц управились.

— Ладно, буду построже. Нарисую на них карикатуры и пообещаю раздать вместо зарплаты, если не ускорятся.

Все засмеялись, посидели за столом еще пару часов, громко споря о Дэмиене Херсте и Нормане Фостере. Вениамин хорошо разбирался в тенденциях современного искусства, но, как он доверительно признался Зосе, его сердце склонялось к классике. «Вот как у тебя — в стиле старых мастеров», — шепнул он ей на ухо.

На следующий день Зося и думать забыла про этот выход в ресторан, а про Веньку и подавно, как вдруг он позвонил ей с меценатским предложением.

— Зосечка, — начал он энергичным тоном, — как тяжело таланту, быт заедает. В мастерской, как я понял, ремонт, и рисовать тебе негде?

— Ючусь на кухне, — признала Зося.

— Как старый друг, считаю своим долгом предложить тебе помощь. Не дадим таланту погибнуть!

— Я вся внимание.

— Знаешь, у меня в Финляндии коттедж есть на озере. Мы с женой там почти не бываем. А место спокойное, твори — не хочу. Дикая природа. Зайцы бегают... Поживи